

Линь Юйчи спросил:

— Что такое? Поссорилась с Вашим Величеством?

Линь Юйчи неверно истолковал слова сестры, но, впрочем, так было даже лучше. Линь Юйцзэ опустила голову, глядя на свои носки туфель, чертившие узоры на полу, и подыграла ему:

— Через два года Ваше Величество будет устраивать отбор наложниц, а я... не люблю делить её с другими.

Линь Юйчи положил руку ей на плечо:

— Некоторым людям на роду написано быть объектом всеобщего поклонения. Если ты не можешь добиться взаимности, то остаться рядом с ней верным слугой — тоже неплохой удел.

Линь Юйцзэ подняла глаза и встретила взгляд брата. Оказывается, Цзян Ли занимала в его сердце столь высокое место. Чтобы произнести такие слова, нужно было пережить немало мучительных событий.

Взор Линь Юйчи устремился вдаль, он предавался воспоминаниям:

— Когда человек, которого ты любишь, счастлив и беззаботен, иногда ловишь себя на мысли, что и самому становится не так уж больно.

У Линь Юйцзэ на душе стало невыносимо тяжело. Она понимала это чувство, но принять его не могла — да и не смогла бы. Хоть в какой-то степени она и увела объект тайной любви собственного брата, его слова вызвали в ней раздражение. Она сбросила руку брата со своего плеча.

— На моем месте, — сказала Линь Юйцзэ, — я бы предпочла больше никогда не видеться.

Как нужно было закалить сердце, чтобы изо дня в день смотреть, как любимый человек радуется другим и страдает из-за них? Не поэтому ли Линь Юйчи впоследствии превратился в бездельника, вечно пропадающего в винных лавках и игорных домах?

Линь Юйчи по-прежнему мягко улыбался:

— Сяо Юй, ты девушка с искренней душой.

Линь Юйцзэ отмахнулась, не желая продолжать этот разговор:

— Куда ты сегодня направляешься в карете?

— В Академию Ханьлинь, с докладом.

— В Академию Ханьлинь? Хочешь в будущем попасть в кабинет министров?

Линь Юйчи кивнул и не удержался, чтобы не потрепать сестру по волосам.

— Отец сказал, что, судя по твоему настрою, ты в кабинет не пойдешь, так что велел мне посидеть пару лет в Академии, а там посмотрим, представится ли случай войти в правительство.

Линь Юйчи, вставший на путь исправления, действительно заслуживал уважения. Интересно, что именно заставило его переосмыслить свою жизнь.

Попрощавшись с братом, Линь Юйцзэ уже подъезжала к родовому поместью, когда путь её карете преградил молодой человек.

— В чем дело? — Линь Юйцзэ присмотрелась к его манерам: похоже, из дворцовых.

Юноша подошел ближе и прошептал:

— Госпожа Линь, те, кто следил за поместьем, доложили, что вы вернулись. Скоро придут люди из Силицзяня, чтобы забрать вас.

— Забрать меня? Кто это хочет меня забрать?

— Ваше Величество сейчас не в духе, а вы давно не навещали её. Думаю, это сказано сгоряча. Я пришел предупредить вас заранее.

Линь Юйцзэ кивнула, давая понять, что услышала. Не успев даже поздороваться со старейшиной Линем, она переоделась в опрятное платье, намереваясь немедленно отправиться во дворец, но, сделав шаг за порог, вернулась обратно. Если она внезапно появится перед Цзян Ли, это может не принести никакой радости, а евнухи, присланные за ней, вернутся ни с чем. В последнее время у Цзян Ли скверный характер, так что она может разозлиться еще сильнее.

Линь Юйцзэ щелкнула пальцами, решив, что начинает понимать женскую натуру, и надела обратно то самое помятое платье. Евнухи прибыли в поместье довольно быстро. Увидев Линь Юйцзэ, они не посмели грубить и лишь вежливо пригласили проследовать за ними по приказу Императрицы.

Приказы Императрицы закон для всех, а учитывая отношения между госпожой Линь и Вашим Величеством, подобное случалось не впервые. Однако нашлись двое евнухов, которые, не понимая ситуации, попытались схватить Линь Юйцзэ за руки.

Линь Юйцзэ и так собиралась идти с ними, но, почувствовав захват на запястьях, нахмурилась. Откуда взялись эти евнухи? Совсем не знают правил? Оглянувшись, она поняла: лица действительно незнакомые.

Остальные евнухи в испуге засуетились:

— Что вы творите? Живо отпустите госпожу Линь!

Линь Юйцзэ прервала их:

— Сначала доберемся до дворца, там и поговорим.

Сказав это, она зашагала вперед. Двое евнухов, державших её, были вынуждены семенить следом, словно на привязи. Она почти не прилагала усилий, но когда эти доходяги попытались упереться, она резко дернулась, и те чуть не повисли у неё на руках.

Путь, который обычно занимал полчаса, она преодолела за время, необходимое для сгорания одной палочки благовоний. Евнухи, бежавшие следом, тяжело дышали, да и сама она слегка вспотела.

Императрица, как обычно, корпела над докладами в кабинете. Перед входом Линь Юйцзэ нарочно растрепала волосы, выбила несколько прядей и помяла одежду, чтобы выглядеть как можно более потрепанной. Решив, что образ готов, она протянула руки и скомандовала:

— Ну, ведите меня, раз уж прислали!

Евнухи, едва переведя дух, переглянулись и с постными лицами препроводили её внутрь. Увидев жалкий вид Линь Юйцзэ, Императрица почувствовала, как гнев, копившийся всё время ожидания, начал утихать. Но обида на то, что Линь Юйцзэ без предупреждения куда-то исчезла — поговаривали, в компании какой-то красавицы, — всё еще жгла сердце.

Императрица продолжала сидеть с каменным лицом, не глядя на неё. Поняв, что эффект не достигнут, Линь Юйцзэ слегка дернула плечами, незаметно стряхивая руки евнухов, и с размаху повалилась на пол, схватившись за руку с болезненной гримасой.

Тут Императрица не выдержала и поспешила к ней.

— Я приказала привести госпожу Линь, а вы её так привели? — в голосе Вашего Величества послышалось раздражение.

Линь Юйцзэ выглядела взъерошенной, словно её обидели, и сидела на полу такая жалкая, что сердце Императрицы тут же оттаяло. Двух евнухов, не успевших даже опомниться от онемения в руках, вмиг уволокли прочь. Едва оказавшись за дверью, они принялись молить о пощаде:

— Ваше Величество, мы ничего не сделали! Мы невиновны!

В этот момент Линь Юйцзэ уже обхватила ноги Императрицы, уткнувшись лицом в её пояс:

— Цзян Ли, я так по тебе скучала!

Императрица поняла, что не может даже пошевелиться, не то что вырваться. Откуда у этой девчонки столько силы? Неужели те двое евнухов могли её обидеть? Поняв, что её снова провели, Императрица не успела даже рассердиться.

Линь Юйцзэ поднялась и крепко обняла её, прошептав в самое ухо:

— Цзян Ли, я не позволю тебе быть с другими. Ты принадлежишь только мне.

Разговоры об отборе наложниц, история с Линь Юйчи — всё это, хоть и не представляло реальной угрозы, всё равно давило на сердце. Линь Юйцзэ не хотела, чтобы между ней и Цзян Ли лежала пропасть, такая огромная, что она чувствовала, как постепенно теряет этого человека.

Императрица мгновенно уловила мысли Линь Юйцзэ. Чувство вины, которое она испытывала, окончательно превратило её гнев в нежность. Они прижались друг к другу, обмениваясь ласковыми словами. Сцена, которая должна была стать выяснением отношений, была полностью перевернута Линь Юйцзэ.

Вечером, возвращаясь в поместье, Линь Юйцзэ проходила мимо одной из палат и услышала звук ударов палок о плоть. Заглянув из любопытства, она увидела тех самых двух евнухов, которые её сопровождали.

Евнух Ли, отвечавший за наказания прислуги, подобострастно подбежал к ней:

— Эти двое дураков сегодня проявили нерадивость, вот и получают по заслугам.

Линь Юйцзэ кивнула. Оба провинившихся уже не могли кричать, лишь стонали — видимо, досталось им прилично. Взглянув на пол, она заметила еще одного евнуха, лежащего там. Это был тот самый юноша, который днем предупредил её о приказе Императрицы.

Она подтолкнула его носком туфли. Юноша поднял голову и слабо пробормотал:

— Прошу прощения, госпожа, я не могу подняться, чтобы поклониться, у меня совсем не осталось сил.

Евнух Ли прикрикнул:

— Никакого почтения! Мало того, что без спроса покинул дворец, так еще и забываешь, как к господам обращаться!

Линь Юйцзэ заинтересовалась:

— Как его зовут? Чем он занимается?

— Его зовут Сяо Доуцзы, он прибирается в Императорском кабинете, — ответил евнух Ли.

— Скажи управляющему, чтобы его перевели в Дун-чан.

— Слушаюсь, госпожа, немедленно исполню.

После ухода Линь Юйцзэ евнух Ли помог Сяо Доуцзы подняться и с важным видом произнес:

— Ну, малец, повезло тебе, приглянулся знатной особе. Когда поднимешься высоко, не забудь, кто тебя воспитал!

Любовь любовью, но в борьбе за власть Линь Юйцзэ не оставляла никому ни единого шанса. Во дворце провели честные состязания, и выяснилось, что гвардейцы Цзиньивэй и Цилянвэй проигрывают еврехам из Силицзяня, обученным боевым искусствам. Заставить первых изучать Свиток Подсолнуха было невозможно, а принуждать всех к оскотплению Императрица не могла.

Как и желала Линь Юйцзэ, всех дворцовых стражников заменили людьми из Силицзяня. Теперь и внутри, и снаружи дворца все посты и дозоры занимали евнухи. Только внутри дворца ими командовал Силицзянь, а снаружи — Дун-чан.

Цзиньивэй в столице оказались в неловком положении, практически оставшись без дела. Люди из Силицзяня подали Императрице прошение о переводе части гвардейцев в Дун-чан под их управление. На самом деле за этим стояла Линь Юйцзэ, хотя никто об этом не догадывался.

Императрица, рассудив, что евнухи справляются с делами лучше, чем Цзиньивэй, и учитывая, что ведомство новое и людей не хватает, а командир Цзиньивэй всё еще в темнице, дала свое согласие.

В подземелье Дун-чана Тоба Цзянлань изрыгал проклятия:

— Я требую встречи с Императрицей! Я невиновен!

Евнух, охранявший его, зевнул. Эту фразу он слышал по сто раз на дню, у него уже уши мозолями покрылись.

Когда Тоба Цзянлань только попал сюда, он впал в панику, решив, что всё кончено. Но, успокоившись, рассудил: он всё-таки двоюродный брат Императрицы, она всегда была мягкосердечной, а он не совершал государственной измены. Даже если бы он действительно был виновен в коррупции, самое худшее, что могло случиться — лишение должности, жизнь была бы сохранена.

Однако его держали в темнице уже месяц. Допросы в Дун-чане были лишь для вида, ему даже давали бумагу, чтобы он писал письма Императрице, и ни разу не применили пыток. Он решил, что люди из Дун-чана боятся трогать его из-за Императрицы, и начал ежедневно требовать аудиенции.

Тоба Цзянлань собирался закричать снова, как вдруг в коридоре появился человек в капюшоне. Его глаза, скрытые в тени, смотрели прямо на него. Тоба Цзянлань вздрогнул.

Линь Юйцзэ произнесла:

— Братец Цзянлань, я пришла за процентами по долгу, который ты мне задолжал.

<http://bllate.org/book/19929/1961108>